

Николай Алексеевич Некрасов

Крестьянские дети

Часть сборника
Большая хрестоматия для
начальной школы (сборник)

Николай Алексеевич Некрасов

Крестьянские дети

Серия «Хрестоматии
для начальной школы»

Серия «Большая хрестоматия
для начальной школы»

Серия «Русская литература XIX века»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3933855

Большая хрестоматия для начальной школы: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56619-8

Аннотация

«Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи...»

Николай Алексеевич Некрасов Крестьянские дети

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз:
Чу! шопот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шопот опять!

Первый голос

«Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар борода не бывает – усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, глядитко – часы!

Пятый

Аи, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака – большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! поглядитко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий (с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...»

* * *

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека слыша,
Так стайей с мякины летят воробы.
Затих я, прищурился – снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною – всему подивились
И мой приговор изрекли: —
Такому-то гусю ужь что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно не барин: как ехал с болота.
Так рядом с Гаврилой... «Услышит,
молчи!»

О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельвал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «попался спроста!»
За то мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста,
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всем потрафлять
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на Бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им все покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали,

Что новый прохожий, то новый рассказ...
Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли – на встречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка – не драка, игра – не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки, обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...
Кто ловит пиявок

На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок,
Все беленькой, желтенькой,
бледно-лиловой

Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут впрыскаду.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди – уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит – содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

– Довольно, Ванюша! гулял ты не мало,
Пора за работу, родной!
– Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно:

Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...
Однако же, зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
И так, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгнать ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!

– Здорово, парнище! – «Ступай себе мимо!»

– Уж больно ты грозен, как я погляжу!

Откуда дровишки? – «Из лесу, вестимо;

Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».

(В лесу раздавался топор дровосека.)

А что, у отца-то большая семья? —

«Семья-то большая, да два человека

Всего мужиков-то: отец мой да я...»

Так вон оно что! А как звать тебя? —

«Власом».

– А кой тебе годик? – «Шестой миновал...

Ну, мертвая!» – крикнул малюточка басом,

Рванул под-узды и быстрее зашагал.

На эту картину так солнце светило,

Ребенок был так уморительно мал,

Как будто все это картонное было,

Как будто бы в детский театр

я попал!

Но мальчик был мальчик живой, настоящий,

И дровни, и хворост, и пегонький конь,

И снег до окошек деревни лежащий,

И зимнего солнца холодный огонь —

Все, все настоящее русское было,

С клеймом нелюдистой, мертвящей зимы,

Что русской душе так мучительно мило,

Что русские мысли всеяет в умы,

Те честные мысли, которым нет воли,

Которым нет смерти – дави не дави,

В которых так много и злобы и боли,

В которых так много любви!
Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

* * *

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
— Эй! воры идут! закричал я Фингалу:
— Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей! —
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! — «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха! —

«Смотри – умирает – смотри!»

Я сам наслаждался, валяясь на сене,

Их шумным весельем. Вдруг стало темно

В сарае: так быстро темнеет на сцене,

Когда разразиться грозе суждено.

И точно: удар прогремел над сараем,

В сарай полилась дождевая река,

Актер залился оглушительным лаем,

А зрители дали стрелка!

Широкая дверь отперлась, закричала.

Ударилась в стену, опять заперлась.

Я выглянул: темная туча висела

Над нашим театром как раз.

Под крупным дождем ребяташки бежали

Босые к деревне своей...

Мы с верным Фингалом грозу переждали

И вышли искать дупелей.